З.М. Абдулагатов

Исламское массовое сознание на Северном Кавказе XXI в.: Дагестан, Кабардино-Балкария, Чечня*

Предварительные замечания

Многие вопросы современного исламского религиозного сознания стали проблемными для Российского государства и общества. Нельзя не заметить, что таковыми они являются в сферах взаимоотношений мусульман с законами светского государства, в выборе нравственных идеалов, системы образования, форм экономической деятельности и даже одежды. Исламское сознание активно начало внедрять в общественную и, в какой-то степени, государственную жизнь новую парадигму государственного и общественного обустройства. По оценке Патриарха Московского Кирилла, в России, особенно на Северном Кавказе, идет конфликтный процесс, суть которого есть «глобальное столкновение между двумя моделями цивилизации — секулярной и религиозной».

В условиях Северного Кавказа особой проблемой проявлений исламского сознания является религиозно-политический экстремизм. В то же время в правовых и других формах регулирования религиозной жизни мы не находим понятия «религиозный экстремизм». Как справедливо замечает В.В. Лапаева, «законодательство, направленное на противодействие политическому экстремизму и тем формам проявления религиозного экстремизма, которые имеют политический характер, представляет собой достаточно развитую систему нормативных актов. Иное дело — собственно религиозный экстремизм, специфика и различные проявления которого не получили еще сколько-нибудь удовлетворительного отражения в законодательстве» [Лапаева, 2011].

Тем не менее закон, направленный против религиозного экстремизма, принятый в свое время в КБР[2], который бы мог служить профилактикой религиозно-политического экстремизма, был отменен. При

* | Работа написана при поддержке Программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» по проекту «Ислам в культуре народов России» (руководитель А.А. Ярлыкапов).

2 | В настоящее время текст закона удален из Интернета.

этом речь шла не о том, что данный закон имел свои недостатки, хотя они были и с ними правоведы справились бы легко. Лидерам традиционного ислама просто не нравится термин «исламский экстремизм». По их мнению, в исламе нет экстремизма, а «религиозно-политический экстремизм» не имеет к исламу никакого отношения. В действительности экстремизм как выражение крайностей может иметь место в любой идеологии, и не обязательно в форме политических действий. Автор исходит из убеждения, что религиозно-политический экстремизм возникает не иначе как из крайностей в реализации религиозных целей, которые изначально не проявляют себя как политические. В этом смысле исследования показателей религиозности в массовом сознании являются полезными в целях профилактики радикальных форм исламской деятельности.

Наиболее распространенной частью социологических исследований религиозности является выявление его уровня. Под этим понимается количественная оценка религиозности группы. Она представляет собой процентное отношение респондентов, обладающих признаком или признаками религиозности, ко всей совокупности опрошенных. Эти данные, при определенном требовании к выборке, распространяются на всю генеральную совокупность, и делаются выводы о доле религиозных людей в общем составе населения или любой другой группы.

Сложными в рамках данной темы исследования являются вопросы теоретического характера. Требует разъяснений само понятие «массовое сознание», определение критериев религиозности и др., каждый из которых представляет собой сложную научную проблему.

Было бы ошибочно считать, что массовое сознание тождественно общественному сознанию или сознанию населения в данном административном, государственном образовании. Дело в том, что массовое сознание как объективное явление появляется на определенном этапе исторического развития. Массовое сознание определяется как совпадение в какой-то момент (совмещение или пересечение) основных и наиболее значимых компонентов сознания большого числа весьма разнообразных «классических» групп общества (больших и малых), однако не сводится лишь к совпадению [Массовое сознание и стихийное массовое поведение, 2010]. В отличие от общественного сознания, массовое сознание всегда проявляет себя непосредственно через живых, действующих людей.

Считается, что проблема реального «массового сознания» и его особого носителя, «массового человека», возникает в жизни, а затем и в науке на рубеже XVIII–XIX веков. Хотя массовизация общественного сознания начиналась и раньше, до определенного времени она носила достаточно локальный характер. «Реально это было просто связано с недостаточной плотностью расселения людей — невозможно наблюдать действительное «массовое» сознание в обществе, население которого расселено исключительно по небольшим деревенькам и феодам» [Массовое сознание, 2012].

Массовое сознание не сводимо к известным типам сознания в обществе [Грушин, 1987. С. 19–21]. Это новое качество, возникающие из совпадений отдельных фрагментов других известных составляющих общественного сознания.

Для большей определенности в изучении исламской религиозности желательно различать:

а) нормативную религиозность, господствующую в данном регионе;

б) религиозность в народном исламе;

в) ислам как десакрализованную, культурную ценность.

Это относительно самостоятельные составляющие исламского сознания, образующие его массовое проявление. Массовость определяется тем, что религиозные ценности так или иначе проявляются в сознании и поведении не только у духовных лидеров, не только у рядовых верующих, но и у атеистов, просто не верующих, колеблющихся, не думавших над вопросом о своем отношении к вере.

То есть массовое религиозное сознание не сводится к сознанию носителей нормативного и народного религий, где в любом случае речь идет о сакральности исламской или другой религии. Носителем массового исламского сознания может быть представитель любой социальной группы, в том числе и тот, который не придает исламским ритуалам сакрального характера. В связи с этим причины, согласно которым человек, отдельная группа (большая или маленькая) относят себя к исламской духовной культуре, могут иметь совершенно различные смыслы. Крайнее проявление этих различий связано с тем, что в массовом исламском сознании есть такая составляющая, которая касается лиц, считающих себя этническими мусульманами, систематически пользующихся исламскими сакральными ценностями, но не считающих себя ни верующими, ни религиозными людьми. Так, в Дагестане, возможно и в других регионах России, каждый представитель этноса, исповедующего ислам, отмечает Курбан-байрам, Ураза-байрам, соблюдает исламские нормы похорон, приветствует человека словами «ассаламу алейкум», ставит на могилах близких не христианские кресты или символы других религий, а надмогильные плиты с исламскими символами и др. В данном случае важно не то, что проводится религиозный ритуал, а то, что проводится вообще ритуал. Ритуал — это символ и как таковой обладает всеобщностью и полнотой выражения определенных отношений к кому-либо и чему-либо. Так, в условиях большого влияния мусульманского образа жизни человек должен на похоронах поздороваться, громко сказать «Фатиха», прочитать про себя семь предложений данной суры Корана и спокойно уйти с чувством исполненного долга, пожелав доброго здоровья близким покойного. Без этого, сколько бы вы ни плакались по поводу умершего, полноты исполненного долга не будет. Именно поэтому даже убежденный атеист в мусульманском

регионе с ранних лет наизусть знает данную суру и с ее помощью выражает соболезнование близким покойного.

Естественно, «десакрализованный мусульманин» — явление особое, и его по меркам нормативного ислама — ни регионального и никакого другого — относить к мусульманам невозможно. Поэтому, говоря о принадлежности человека к духовному миру ислама, необходимо указать конкретно, о чем идет речь, так как здесь имеют место диаметрально противоположные мировоззренческие парадигмы.

Другой формой данного явления можно считать **мирасизм** — секуляризованный дискурс национального наследия, родившийся, как считают отдельные исследователи, в советском академическом контексте второй половины XX в. [Бустанов, 2013. С. 8]. Этот термин введен в научный оборот Э. Лаззерини, который считал мирасизм движением за возрождение национального наследия [См.: Усманов, Миркасим, 2004]. Особенностью данного явления можно считать инструменталистский подход к сакральным ценностям, где религиозное используется для достижения иных, не религиозных целей. Хотя инструментализм мирасизма можно и нужно рассматривать как более сложное явление. В частности, оно связано не только с особенностями политической культуры, политической ангажированности научных работников советского периода нашей истории, как об этом говорят А.К. Бустанов и Ш.Ш. Шихалиев[3]. Сегодня, когда советская партийная идеология не является определяющей методику и методологию научного исследования российских ученых, мирасизм рассматривается «в широком плане», как явление, «означающее повышенное внимание к своему культурно-историческому наследию» [Исхаков, Дамир, б.г.]. Данное явление особенно ярко выражено у мусульман Поволжья, и не только в русле академических научных исследований. В частности, в заявлении, принятом в феврале 1996 г. на V съезде Татарского общественного центра (ТОЦ) говорилось, что исламская общественность и Духовное управление Татарстана, не поддаваясь влиянию какой-либо политической партии, организации или группировки, должны служить всей нации и Татарстану. Это было воспринято как отказ от создания в республике религиозных политических организаций [См.: Мухаметшин, 1997. С. 260]. При этом во взаимоотношениях нации и ислама лидеры ТОЦ приоритетным определили нацию. Один из идеологов движения, Р. Сафин, в своей статье «Национальное движение и религия» называет нацию первичной, а ислам — вторичной категорией, заявляя, что руководство в политической сфере должно принадлежать националистам (политикам), а не религиозным деятелям и что религия должна служить нации, а не наоборот [Сафин, 1997. С. 5–11]. Это заявление показывает, что религия имела в решении задач, поставленных ТОЦ, инструментальный характер. В данном случае оказались важны регулятивная, организующая функ-

3 | Из беседы автора с востоковедами А.К. Бустановым и Ш.Ш. Шихалиевым 15 июля 2013 г.

ции религии как культурной ценности, которые могут быть использованы для решения этнокультурных, социальных и государственно значимых задач. Противоречия с религиозными установками здесь очевидны: ислам никогда не считал приоритетными проблемы этнического развития.

В связи со сказанным выше массовое религиозное сознание можно было бы определить как сознание однородности различных классических социальных групп, деструктурированных по религиозным причинам в данной момент, при данных обстоятельствах, по конкретному поводу.

Среди признаков, по которым определяется уровень религиозности в ходе опросов, самым распространенным является вопрос об отношении респондента к религиозной вере, об отнесении (или неотнесении) себя к какой либо конфессии. Данный вопрос социологов часто критикуется как субъективный показатель. Это хорошо известно и самим социологам. Как справедливо пишет Р.А. Лопаткин, «сам факт конфессиональной самоидентификации человека не всегда свидетельствует о его религиозности» [Лопаткин, 2003]. Еще меньше оснований просто верить тому, что респондент считает себя религиозным человеком. Тогда зачем задаются эти, казалось бы, бессмысленные вопросы?

Социологи задают не один вопрос, а систему вопросов. Они исходят из негласной аксиомы, что респондент искренне отвечает на вопросы. Эта искренность больше выражена по части желаемого своего «Я». Кроме того, нередко это делается по незнанию: конфессиональную принадлежность, конфессиональную культуру респонденты склонны путать с этнической, а иногда просто отождествляют их. Задача социологов состоит в том, чтобы понять, что происходит в каждом конкретном случае. Задавая ряд заранее подготовленных вопросов, сравнивая ответы, социолог сводит до минимума ошибку в заключительном оценочном суждении. В простейшем случае это выглядит так. Например, по опросам, проведенным социологами среди студенческой молодежи назвали себя православными 84,2%. По данным того же опроса к православным отнесли себя «7,6% лично неверующих и 23% не верящих в Бога или затрудняющихся ответить на этот вопрос. Количество верующих значительно ниже тех, кто причисляет себя к православным» [Андреева Л.А., Андреева Л.К., 2010. С. 96]. Сопоставление ответов опрошенных по двум позициям проясняет ситуацию: часть неверующих респондентов считает православие культурным фоном своего социального бытия, своей культурной идентичностью. В принципе социолог ответы на один из важных вопросов анкеты сталкивает с множеством ответов на другие вопросы, уточняя позиции, «выбивая» все больше смыслов о его вербальном поведении. Эта вербальная модель поведения имеет притязания на выражение реального поведения респондентов, никогда в принципе не совпадая с ним полностью.

Известный этносоциолог Л.М. Дробижева, полемизируя с конструктивистским направлением в этнологии, утверждает: если люди верят в то, что существуют народы, их культура, ценности, историческое прошлое, то свое поведение они так или иначе строят в увязке с этими представлениями. При этом она ссылается на «известную», «теперь широко применяемую теорему Томаса». Теорема была формулирована в начале XX в. У. Томасом и Ф. Знанецким, написавшими классическую работу «Польский крестьянин в Европе и Америке». Они зафиксировали следующее: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они и являются реальными по своим последствиям» [Дробижева, 2011. С. 23. См. также: Федотова, 2012. С. 17].

Следуя логике этой «теоремы» можно утверждать: если человек считает себя верующим, скорее всего следует ожидать, что и в мировоззрении, и в реальном поведении данная самоидентификация будет иметь свои соответствующие последствия.

Особенности социологических выборок

В Кабардино-Балкарской Республике опрос проводился в г. Нальчике и в сельском населенном пункте Яникой Чегемского района республики. Городское население — 52,1%, сельское — 47,9%. Опрос проведен среди студентов КБГУ, жителей города Нальчика, студентов Кабардино-Балкарского исламского университета, в МОУ СОШ с. Яникой Чегемского района КБР, среди жителей с. Яникой того же района. Число опрошенных — 231 человек.

В Чеченской Республике опрос проведен среди учащихся Грозненской гимназии № 4, жителей г. Грозного, в Чеченском государственном университете (исторический факультет). Автор воспользовался тем обстоятельством, что в республике организована доставка студентов ЧГУ из сельских районов республики на занятия и обратно. Студенты помогли провести опрос в ряде сельских районов ЧР. В результате среди опрошенных оказались представители следующих сельских населенных пунктов республики: селения Элистанжи, Мантаниц, Алхан-кала, Аллерой, Новые Атаги, Бамут, Дачу-Барзой, Новый Шарой (Мартановский р-н), Чеген-аул, Турши-хутор, Джалка, Гой-чу (Урус-Мартановский р-н), Нижний Нойбер, Гордаш-Юрт, Толстой-Юрт, Самашки (Ачхой-Мартановский р-н), Закан-Юрт (Ачхой-Мартановский р-н), Шали, Бердыкель (Грозненский р-н), Пхамидой (Шатойский р-н), Гуни (Веденский р-н), Кошкельды (Гудермесский р-н), Беркат-Юрт, Старые Атаги, Садовое, Мелчхи (Гудермесский р-н), Бено-Юрт. В составе выборки оказались и жители станиц Ассиновская, Наурская, Червленная, Мелчхи, поселка Войково (Октябрьский р-н), г. Гудермес. Данное обстоятельство положительно повлияло на репрезентативность выборки. Число опрошенных — 269 человек.

Опросы в ЧР и КБР проведены в мае–сентябре 2011года.

В Республике Дагестан опрос проводился в семи сельских районах и двух городах. Сельские районы: Ботлихский, Дахадаевский, Казбековский, Каякентский, Кизлярский, Магарамкентский, Ногайский, Хунзахский. Городах Махачкале, Кизляре. В различной степени опросом были охвачены все три географические зоны Дагестана, сельское и городское население. Общее число опрошенных 494 человека. В тексте использованы результаты как этого, так и других опросов, проведенных в республике.

Результаты опросов обрабатывались относительно числа данных ответов, а не числа опрошенных. Так как по отдельным вопросам респондент мог не дать никакого ответа или «Затрудняюсь ответить», то общее число ответов имело небольшие различия в зависимости от конкретного анализируемого вопроса. С этим связано некоторое процентное несовпадение общих ответов всей выборки на один и тот же вопрос, просуммированных по различным группам опроса, например, по социальному положению, возрасту или региону. Эти различия оказались несущественны, и ими можно пренебречь.

Основные результаты социологических опросов

Один из главных вопросов в определении религиозности был задан респондентам в следующей форме: «Укажите, пожалуйста, Ваше отношение к вере». Были предложены восемь вариантов ответа.

Таблица № 1

Распределение ответов на вопрос: «Укажите, пожалуйста, Ваше отношение к вере». РД. КБР. ЧР. (%). N — 1010

Отношение к вере / Регионы	Убежденный верующий	Верующий	Колеблющийся	Безразличный	Неверующий	Убежденный неверующий	Не думал над этим	Затрудняюсь ответить
Республика Дагестан	19,6	59,5	8,3	2,0	4,3	1,6	2,8	0,6
Кабардино-Балкарская Республика	13,0	69,5	12,4	2,9	5,1	0,0	10,2	0,0
Чеченская Республика	55,4	42,9	0,0	0,4	0,0	0,0	0,9	0,0
Общее	**25,6**	**58,7**	**5,5**	**1,5**	**2,8**	**0,7**	**3,2**	**0,3**

Таблица дает самые общие представления о религиозности населения в трех северокавказских республиках, где проблемы исламского возрождения наиболее остры. Очевидно, что основная масса населения (84,3%) этих республик заявляет о том, что они верующие люди. Тем не менее между ними имеются различия, которые уже на этом этапе исследования характеризуют особенности их религиозности. Это касается различий в проявлениях типов религиозности. Наибольшие притязания на «убежденную веру» проявляют в ЧР: их показатели по этому пункту в 2,2 раза выше среднего по трем республикам, в 4,3 раза — по сравнению с КБР. В ЧР наиболее высок и общий показатель верующих — 98,3%.

Необходимо заметить, что опрос в РД был проведен в 2004 году. С тех пор показатели религиозности в республике выросли. Например, в 2004 г. религиозность учащейся и студенческой молодежи, определенная по этому же формату вопроса, была равна 77,9%. В 2010 году таковых среди студентов в светских вузах РД было 91,5%, городской молодежи в целом — 92,5%, сельской — 94,5%. Как показывает ряд опросов, взрослое население имеет по этой позиции показатель на 4–5 процентов ниже, т.е. равный примерно 90%. С учетом этого можно сказать, что по ответам на данный вопрос религиозность в массовом сознании в КБР проявляет себя более умеренно.

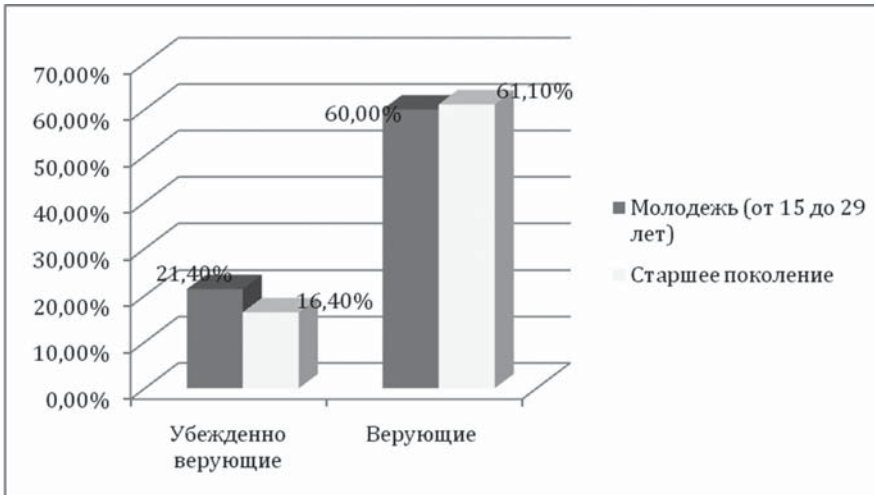
Социологи анализируют религиозность через понятия «состояние религиозности», и «динамика религиозности». Состояние религиозности определяется как «рассматриваемая синхронически, относительно устойчивая система субординированных религиозных свойств (признаков) индивида, группы, населения» [Яблоков, 1979. С. 124]. Ключевое слово здесь — «синхронически», т.е. в данной исторической ситуации. Динамика религиозности — это «рассматриваемый диахронический переход от одного состояния в другое» [Там же]. То есть это рассмотрение религиозности в направлении изменений в исторической последовательности.

В современных условиях с учетом государственных и общественных проблем, причиной которых является рост религиозного сознания, актуальность приобретает выявление не только состояния, но и динамики религиозности. Некоторые данные такого характера по Республике Дагестан приводились выше: они показывают достаточно высокую динамику роста религиозности дагестанцев. Но, уточним еще раз: это по ответам на самый общий, абстрактно поставленный вопрос о вере.

В связи с отсутствием мониторинговых данных по КБР и ЧР, автор выбрал другой способ, который может, хотя и косвенно, подсказать динамику религиозности в этих республиках. Речь идет о сравнении религиозности по возрастным группам.

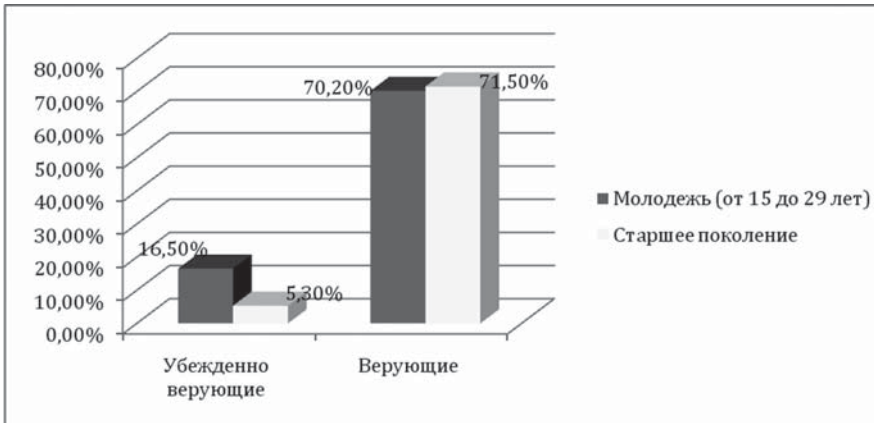
Гистограмма № 1

Распределение типов верующих по возрастным группам РД. N — 494



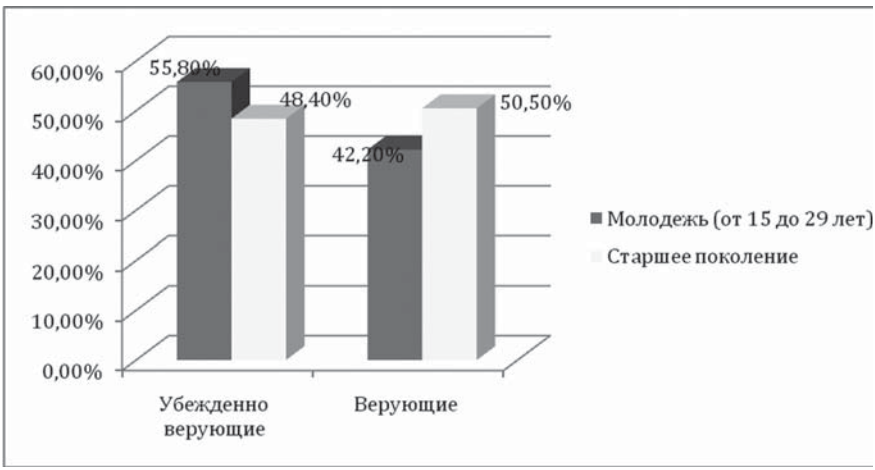
Гистограмма № 2

Распределение типов верующих по возрастным группам опроса. КБР. N — 231. 2011 г.



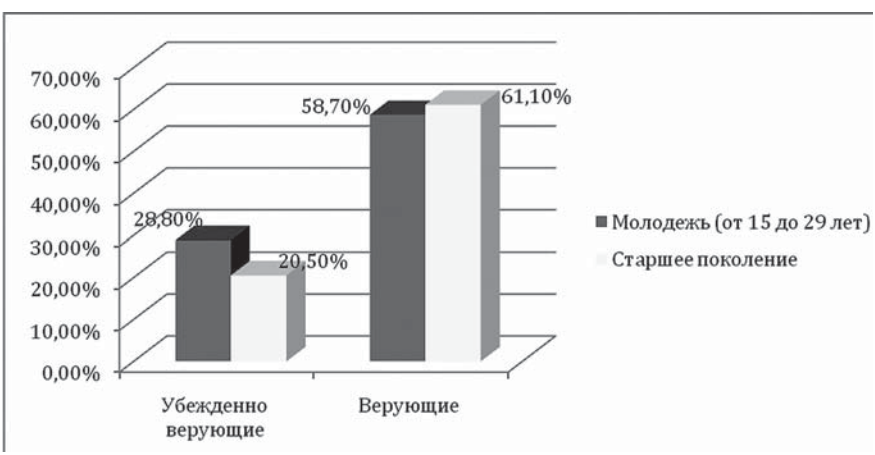
Гистограмма № 3

Распределение типов верующих по возрастным группам опроса. ЧР. N — 269. 2011 г.



Гистограмма № 4

Распределение типов верующих по возрастным группам опроса. РД. КБР. ЧР. N — 1010.



Как в общей выборке, так и по отдельным республикам, среди «убежденно верующих» преобладает молодежь. Данное исследование, так же как и другие исследования прошлых лет, показывает, что среди верующих с радикальными, экстремальными, салафитскими составляющими, большая доля лиц — именно из этой группы верующих. Так, «фундаменталистов» среди «убежденно верующих» в КБР и ЧР оказалось 83,4%: среди «верующих» — 61,3%. «Модернистами»[4] «верующие» обозначили себя в 2,2 раза больше, чем группа «убежденно верующие». Группа «убежденно верующие», по данным опросов в трех республиках, является одним из факторов усиления роли шариата в обществе и государстве: жить в исламской республике по законам шариата, по данным опросов в трех республиках, желают 61,6% «убежденно верующих». Среди «верующих» таковых 27,1%.

В совокупности «убежденно верующих» и просто «верующих» религиозность молодежи РД, КБР, ЧР равна 87,5%, у старшего поколения — 81,6%.

Два выявленных показателя — преобладание «убежденно верующих» и общего числа «верующих» в молодежной среде республик Северного Кавказа — говорят о динамике роста религиозного сознания в регионе.

Поставив в основу построения религиозной типологии соотношение двух признаков — «вера» и «отношение к религиозной деятельности», можно получить более богатое по содержанию представление о конкретных типах верующих. В этом случае приводятся в соответствие утверждения о вере и вербальное поведение верующего. Последовательность, зрелость религиозного сознания, которое стремится к реальному участию в религиозной жизни, одновременно говорит о его конфессиональном характере. То есть о том, что респондент не просто считает себя верующим, но и соотносит свою веру с той или иной формой вероисповедания.

4 | Условное деление респондентов на «фундаменталистов» и «модернистов» проводилось по ответам на вопрос о возможности модернизации в исламе в связи с необходимостью адаптации к глобальным изменениям.

Таблица № 2

Структура типов религиозности («вера» / «религиозная деятельность»)(%). РД. КБР. ЧР. N — 1010.

Показатель «Вера» / Показатель «Участие в религиозной деятельности»	Всегда участвую во всех обрядах и привлекаю других	Всегда участвую в основных обрядах	Иногда участвую в некоторых обрядах	Не участвую ни в каких обрядах	Затруд. ответить
Убежденно верующий	22,2/54	43,2/105	16,9/41	4,5/11	70/17
Верующий	3,3/20	26,2/160	48,6/297	12,6/77	79/48
Колеблющийся	17/1	10,0/6	45,0/27	41,7/25	1,7/1
Безразличный	0/0	0/0	4,4/7	4,4/7	12,5/2
Неверующий	3,3/1	0/0	43,3/13	46,7/14	6,7/2
Убежденный неверующий	0/0	38,0/3	38,0/3	12,5/1	12,5/1
Не думал над этим	0/0	0/0	3,6/12	3,6/12	2,4/8
Затрудняюсь ответить	0/0	0/0	100/3	0/0	0/0
Общее	**7,5/76**	**27,2/274**	**35,9/362**	**15,6/157**	**6,8/69**

По данным таблицы, типичный этнический мусульманин свое религиозное поведение определяет как «иногда участвую в некоторых обрядах» (35,9%).

В анализе таблицы выделялись «чистые типы», под которыми понимались: а) «убежденные верующие», всегда участвующие во всех обрядах; б) «верующие», всегда участвующие в основных обрядах; в) «колеблющийся», иногда участвующий в некоторых обрядах; г) «безразличный», участие которого в отдельных обрядах случайно; д) «неверующие» и «убежденно неверующие», которые не участвуют ни в каких обрядах.

«Чистых типов» «убежденно верующих» оказалось 22,5%. Наибольший показатель по этой позиции — в Республике Дагестан — 29,0%. В общей выборке по РД, КБР, ЧР всегда участвующих во всех обрядах всего 7,5%. Это наименьший показатель по предложенным для выбора вариантам религиозного поведения.

«Чистых типов» среди «верующих», всегда участвующих в основных обрядах, — 26,2%. Но в общей выборке «участвующие в основных

обрядах» представлены лучше — 27,2%. Это за счет того, что основная масса «убежденно верующих» — 43,2%, проявляют черты просто «верующего» — участвуют только в основных религиозных обрядах. В этом смысле есть явное противоречие между религиозным сознанием (в смысле соотнесения себя к «убежденно верующим») и религиозным поведением. Хотя по постмодернистским установкам «своя религия», «внеконфессиональная религия» такого противоречия здесь нет.

Наиболее типичным из «чистых типов» в общей выборке оказались респонденты графы «Иногда участвующий в некоторых обрядах» — 35,9%. В РД и КБР этот показатель в отдельности равен 44,3%. Исключением из этого правила явилось поведение верующих из ЧР, для которых типично быть «верующим, всегда участвующим в основных обрядах» — 44,4%.

В данных таблицы обращает на себя внимание то, что тип «убежденно верующий» достаточно расплывчат, нечетко определен по своему религиозному поведению. 4,5% «убежденно верующих» в РД, КБР, ЧР «не участвуют ни в каких обрядах», 16,9% — «иногда участвуют в некоторых обрядах». По сути дела, это признаки «неконфесиональной веры», которую считают новым явлением в религиозной жизни.

Нельзя не заметить, что 43,3% «неверующих» и даже 3,8% «убежденно неверующих», «иногда участвуют в некоторых обрядах». Первый из этих показателей находится на уровне поведения «верующих» (48,6%). В этой плоскости сравнения, по сути, нет формальных различий между этими группами «верующих» и «неверующих».

Также нарушает строгие границы между «верой» и «неверием» тот факт опроса, что 10,0% «колеблющихся», часть «убежденно неверующих» всегда участвуют в основных обрядах. Это явление усиливается и другими показателями: 45,0% «колеблющихся», 4,4% «безразличных», 33% «убежденно верующих», 3,6% «не думавших» над вопросом о вере, «иногда участвуют в некоторых обрядах».

В связи со сказанным респондентам был задан вопрос о культурообразующих составляющих религиозного поведения. Вопрос анкеты имел следующий вид: «Как Вы считаете, мусульманские обряды бракосочетания, похорон, суннат, имянаречения это…

а) исключительно религиозные обряды, касающиеся только верующих;

б) национальные традиции, религиозные лишь по форме, а потому касаются всех;

в) затрудняюсь ответить».

Выбор первого из перечисленных ответов в исследовании рассматривался как индикатор терминального характера религиозности, т.е. в ней доминирующей являются религиозные ценности, подтверждающие религиозность личности. Выбор второго говорит о том, что имеет место инструментальный или слабо выраженный характер ориентации на сакральные религиозные ценности.

Таблица № 3

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, мусульманские обряды бракосочетания, похорон, суннат, имянаречия — это…»(%)
РД. КБР. ЧР. 2011 г. N = 1010.

Оценки мусульманских обрядов / Типы по отношению к вере	Исключительно религиозные обряды, касающиеся только верующих	Национальные традиции, религиозные лишь по форме, а потому касаются всех	Затрудняюсь ответить
Убежденно верующий	60,9	32,3	6,8
Верующий	33,4	46,2	20,3
Колеблющийся	10,2	55,9	33,9
Безразличный	25,0	56,2	18,8
Неверующий	10,3	51,7	37,9
Убежденный неверующий	0,0	100,0	0,0
Не думавшие над вопросом о своей вере	12,1	45,5	42,3
Затрудняюсь ответить	0,0	66,7	33,3
Общее	**36,9**	**44,0**	**19,1**

Как и следовало ожидать, терминальное понимание религиозных обрядов наиболее сильно выражено у «убежденно верующих» — 60,9%. (максимальное — в ЧР: 64,0%). У «верующих» этот показатель почти в два раза меньше — 33,4%. (минимальное — у «верующих» в КБР: 21,3%). Средний показатель терминальности по общей выборке равен 36,9%. При этом в данной группе оказались 10,2% от числа «колеблющихся», 25% — «безразличных» к вере, 10,3% — «неверующих», 12,1% — не думавших о своем отношении к вере.

Важным результатом опроса является высокий процент инструменталистского (или культурологического) подхода к генетически религиозным традициям. В общей выборке (РД, КБР, ЧР) такую позицию имеют 44,0% ответивших на вопрос (максимум — в РД: 50,7%). Даже среди «убежденно верующих» их оказалось 32,3%, среди «верующих» — 46,2%. Среднее по этим двум группам определивших себя как «верующие» равно 42,2%. В то же время показатель по терминальности этих двух групп верующих равен 41,3%. В этой же совокупности групп затруднились с ответом 16,4%.

Если допустить, что инструменталисты не соответствуют требованиям норм религиозности в исламе (раз мусульманское бракосочетание и др. по содержанию не религиозны), то заявленная религиозность в общей выборке (84,3%) относительно требований нормативного ислама реально не подтверждается, она становится равной 34,8%.

Полученные результаты и выводы по данному вопросу проверялись ответами респондентов на другой вопрос: «Если Вы приглашаете муллу для исполнения обрядов бракосочетания, похорон, и др., то в чем видите эту необходимость?

а) такова национальная традиция, я не хочу ее нарушать;

б) так велит вера, я исполняю требования веры;

в) это соблюдение и традиций, и веры, я их не разделяю;

г) затрудняюсь ответить».

До проведения опроса предполагалось, что с учетом высокого уровня заявленной религиозности и неизбежности исламской составляющей в ряде социальных институтов, респонденты воспользуются вариантом ответа, не разделяющим традицию и веру.

Таблица № 4

Распределение ответов на вопрос: «Если Вы приглашаете муллу для исполнения обрядов бракосочетания, похорон и др., то в чем видите такую необходимость?» (%) РД. КБР. ЧР. 2011 г. N = 1010

Оценки мусульманских обрядов / Типы по отношению к вере	Такова национальная традиция, не хочу ее нарушать	Так велит вера, я исполняю требования ислама	Это соблюдение и традиций, и веры — я их не разделяю	Затрудняюсь ответить
Убежденно верующие	11,1	68,9	17,2	2,7
Верующие	25,8	48,1	21,5	4,7
Колеблющиеся	46,7	8,3	20,0	25,0
Безразличные	68,8	6,2	6,2	18,8
Неверующие	57,1	3,6	17,9	21,4
Убежденный неверующие	85,7	14,3	0,0	0,0
Не думавшие над вопросом о своей вере	39,4	21,2	3,0	36,4
Затруднившиеся ответить на вопрос о вере	100,0	0,0	0,0	0,0
Общее	**25,9**	**48,0**	**19,2**	**7,0**

Возможностью выбрать позицию, где вера и традиция не отделены, считать, что эти явления слились в единое целое, респонденты воспользовались в меньшинстве — 19,2% всей выборки. Среди них «верующих» — 21,5%, «убежденно верующих» — 17,2%. Это означает, что одна пятая часть верующих («убежденно верующие» и «верующие»), точнее 20,2% из их общего числа, сознательно придают религиозным ритуалам и не религиозное содержание.

Эта особенность сознания верующих более четко проявляется в том, что 11,1% среди «убежденно верующих» приглашение муллы при исполнении ритуала считают не столько требованием религии, сколько соблюдением традиции. Среди «верующих» этот показатель еще выше — 25,8%. То есть в проводимых совместно с муллой ритуальных действиях сакрального содержания они не видят. По мнению части верующих — в общей выборке их 21,5%, это часть нашей культуры, которая не имеет или уже не имеет сакрального, религиозного характера.

Последовательно религиозную точку зрения на участие муллы в ритуале, а, следовательно, и на сам ритуал, выразили 54,3% верующих («убежденно верующие» — 68,9%; «верующие» — 48,1%). Нерелигиозная или нечеткая религиозная позиция выражена у 41,7% верующих («убежденно верующие» — 28,3%; «верующие» — 47,3%). Отдельно по республикам ситуация в среде верующих («убежденно верующих» и «верующих») представлена в следующей таблице.

Таблица № 5

Распределение ответов на вопрос: «Если Вы приглашаете муллу для исполнения обрядов бракосочетания, похорон и др., то в чем видите такую необходимость?» по группе верующих (%). РД, КБР, ЧР. 2011 г.

Оценки мусульманских обрядов / Республики Северного Кавказа	Такова национальная традиция, не хочу ее нарушать	Так велит вера, я исполняю требования ислама	Это соблюдение и традиций, и веры — я их не разделяю	Затрудняюсь ответить
Республика Дагестан	25,3	57,8	15,3	1,8
Кабардино-Балкарская Республика	24,6	39,1	29,0	7,3
Чеченская Республика	11,6	64,7	19,4	4,3

Наибольшую последовательность религиозного сознания в ответах и на данный вопрос проявляют мусульмане Чеченской Республики.

Но даже среди них 31,0% можно отнести к типу верующих с «неустойчивой религиозной ориентацией».

Сравнение данных опросов в разрезе возрастных групп показывает, что в массовом сознании с течением времени сакральность традиционных ритуалов может возрасти, а вера респондента приобретет большую конфессиональность.

Таблица № 6

Распределение ответов на вопрос: «Если Вы приглашаете муллу для исполнения обрядов бракосочетания, похорон и др., то в чем видите такую необходимость?» по возрастным группам (%). КБР. ЧР. 2011 г. N=516

Оценки мусульманских обрядов / Группы опроса		Такова национальная традиция, не хочу ее нарушать	Так велит вера, я исполняю требования ислама	Это соблюдение и традиций, и веры — я их не разделяю	Затруд. ответить
Кабардино-Балкарская Республика	Молодежь (от 15 до 29 лет)	21,5	36,0	25,8	16,7
	Старшее поколение (30 лет и старше)	32,6	31,6	26,3	9,5
	Общее	**25,3**	**34,5**	**26,0**	**14,2**
Чеченская Республика	Молодежь (от 15 до 29 лет)	7,2	68,6	19,0	5,2
	Старшее поколение (30 лет и старше)	18,7	57,0	22,4	1,9
	Общее	**11,9**	**63,8**	**20,4**	**3,8**
КБР ЧР	Молодежь (от 15 до 29 лет)	15,0	50,7	22,7	11,5
	Старшее поколение (30 лет и старше)	25,2	45,0	24,3	54
	Общее	**18,9**	**48,6**	**23,3**	**9,2**

По данным таблицы № 6 молодежь ЧР и КБР склонна больше, чем старшее поколение, считать традиционные ритуалы с участием духовного лица религиозными, а их выполнение — требованиями веры. Эта позиция сильнее выражена у молодежи ЧР. Эти результаты могут

служить еще одним поводом предположить, что со временем конфессиональная религиозность в северокавказских республиках усилится.

Одним из наиболее серьезных критериев религиозности в исламе является выполнение обязательных требований — столпов ислама: произнесение шахады (свидетельства, что нет божества кроме Аллаха, и Мухаммад — его Посланник), пятикратный намаз, ураза, закят (мусульманский налог от дохода), хадж (паломничество). Все они — внешние признаки богопочитания. Они рациональны, так как требуют выполнения хорошо известных, расписанных по частям и в требуемой последовательности действий мусульманина. Эти действия важны по двум причинам. Во-первых, их выполнение демонстрирует конфессиональную принадлежность человека. Во-вторых, включенность в религию говорит о вере человека. В условиях сохраняющихся элементов традиционного общества, где важна ценностная рациональность (М. Вебер), выполнение требований столпов ислама является наиболее зримым, в какой-то степени и наиболее легким способом самоутверждения верующего в религиозном сообществе.

В приведенной ниже таблице обобщены результаты опросов в Республике Дагестан (2004 г.) и республиках Кабардино-Балкария, Чечня (2011 г.), в ходе которых выяснялось, как верующие выполняют некоторые обязательные требования ислама.

Таблица № 7

Распределение ответов на вопрос о соблюдении верующими требований столпов ислама (%). РД, КБР, ЧР.

Столпы ислама / Группы опроса		Шахада	Пятикратный намаз	Ураза	Закят	Хадж
Республика Дагестан	Убежденно верующие	57,0	88,2	82,8	44,1	20,4
	Верующие	17,5	48,5	65,3	21,3	3,8
	Общее	**25,5**	**57,9**	**69,4**	**26,8**	**7,7**
Кабардино-Балкарская Республика	Убежденно верующие	35,1	67,6	86,5	56,8	13,5
	Верующие	3,3	9,0	71,1	25,1	0,5
	Общее	**8,1**	**17,7**	**73,4**	**29,8**	**2,4**

Столпы ислама / Группы опроса		Шахада	Пятикратный намаз	Ураза	Закят	Хадж
Чеченская Республика	Убежденно верующие	**64,0**	**98,2**	**91,2**	**36,0**	**12,3**
	Верующие	**46,5**	**90,9**	**94,9**	**26,3**	**7,0**
	Общее	**55,9**	**94,8**	**93,0**	**31,5**	**9,9**
Общее (РД, КБР, ЧР)	Убежденно верующие	**55,1**	**89,7**	**87,2**	**42,4**	**15,6**
	Верующие	**17,2**	**41,8**	**72,1**	**23,4**	**3,1**
	Общее	**28,0**	**55,5**	**76,4**	**28,8**	**6,7**

Высокие показатели по выполнению отдельных обязательных требований ислама очевидны. Так, в общей выборке почти 90% «убежденно верующих» совершают ежедневный пятикратный намаз. В ЧР таковых — 98,2%. Достаточно высоки показатели и в соблюдении уразы — мусульманского поста. Это непростая обязанность мусульманина. В отличие от православия, например, здесь нельзя от восхода до заката не только есть, но и пить воду. Если учесть, что основная масса мусульман на Северном Кавказе живут в сельской местности, это означает, что и в летнее время, занятые тяжелым сельскохозяйственным трудом, они не вправе позволить себе утолить жажду. Тем не менее ураза оказалась наиболее строго соблюдаемой нормой (76,4%). Причина этому представляется простой. Во-первых, это длится всего месяц. Во-вторых, поев хорошо утром рано, можно легко дождаться вечернего сытного ужина. При желании этот месяц в городских условиях можно сделать отпускным. Сельскому жителю это не поможет. Для него «день лета год кормит».

Другое дело — намаз. При высокой интенсивности современной жизни найти время и место для совершения пяти омовений и пяти намазов — задача проблемная. Хотя мусульманин обязан это сделать. Когда почти половина верующих заявляют о том, что не совершают намаз, это, должно быть, правда, так как речь идет о том, что данная группа откровенно говорит о своем несоответствии заявленному статусу верующего.

Низкий процент совершивших хадж объясним. Во-первых, мусульманин обязан совершить хадж при наличии ряда условий, в том числе финансовых возможностей, при благополучном состоянии домашнего хозяйства, здоровья и др. Это особенно сильно касается молодежи, по большей части имеющей малооплачиваемую работу или не

имеющей работы вообще. Другая группа, имеющая проблемы с исполнением данной обязанности, — это мусульмане пожилого и старческого возраста. Это проблемы и здоровья, и финансирования дорогостоящей поездки.

Во-вторых, в связи с квотами, которые определяются Королевством Саудовская Аравия, не все желающие имеют возможность выполнить данное требование.

В отличие от низких показателей по намазу и хаджу, трудно найти объяснение, в особенности оправдательное, низким процентам по шахаде и закяту.

* * *

Из рассмотренного выше материала социологических опросов можно сделать следующие предварительные выводы:

1. Уровень заявленной религиозности мусульман Северного Кавказа высок. Особенно сильно это выражено у мусульман Чеченской Республики.

2. Основная масса верующих РД, КБР, ЧР определяют себя просто как «верующие» (58,7%), сознательно избегая выбора позиции «убежденно верующий». Исключение составляют респонденты из Чеченской Республики, среди которых «убежденно верующих» оказалось более половины (55,4%), что в 2,2 раза больше среднего показателя по общей выборке.

3. Различия между «убежденно верующими» и «верующими» опроса оказались существенными. «Убежденно верующие» являются самыми активными участниками исполнения религиозных обрядов. Эта же группа в своем большинстве (60,9%) рассматривает традиционные обряды, которые имеют всеобщий характер среди этнических мусульман, исключительно как религиозные.

4. Динамика религиозности населения, определенная в разрезе сравнений групп молодежи и старшего поколения показывает, что она имеет тенденцию к росту: среди молодежи больше лиц «убежденно верующих», они же в общей выборке опережают старшее поколение по удельному весу считающих себя «верующими». Молодежь больше, чем старшее поколение, склонна считать традиционные обряды исключительно религиозными. Этот вывод соответствует реальному участию молодежи в религиозно-экстремистской деятельности, активности в системе исламского образования, в том числе и зарубежного.

5. В общей выборке более четверти опрошенных рассматривают традиционно религиозные ритуалы как не сакральные, общекультурные. Среди верующих такой смысл ритуалам придает каждый пятый. Наименее светски настроены верующие Чеченской Республики, где только каждый десятый так оценивает эти традиции.

6. Уровень заявленной респондентами религиозности и религиозное поведение верующих находятся в определенном противоречии. Об этом говорит то, что около половины из их числа не совершают обязательный для мусульманина намаз, лишь менее трети платят мусульманский налог. «Чистых» типов верующих, как соответствий заявленного качества веры и религиозного поведения, в массовом религиозном сознании оказалось мало. Среди «убежденно верующих» их всего 22,2%, среди «верующих» — 26,2%.

7. Видимая диффузность взаимоотношений религиозного и светского в массовом исламском сознании в северокавказских республиках — естественное явление в условиях многообразия традиционных культурных ценностей, в условиях светского государства. Практический ум рядового верующего, в отличие от односторонней нормативности, задаваемой сакральными текстами, духовными лидерами, способно рассматривать религиозное как часть более широкого явления — культурных традиций своего народа. В этом смысле данная диффузность есть противодействие искусственному сужению культурного многообразия социальной среды обитания, она есть форма оптимальной адаптации человека к реальностям жизни.

Список сокращений

КБР — Кабардино-Балкарская Республика
РД — Республика Дагестан
ЧР — Чеченская Республика

Источники и литература

Андреева Л.А., Андреева Л.К., 2010 — *Андреева Л.А, Андреева Л.К.* Религиозность студенческой молодежи. Опыт сопоставления с религиозностью россиян // Социологические исследования. 2010, № 9.
Бустанов, 2013 — *Бустанов А.К.* Книжная культура сибирских мусульман. М., 2013.
Грушин, 1987 — *Грушин Б.А.* Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования. М., 1987.
Дробижева, 2011 — *Дробижева Л.М.* Методологические проблемы этносоциологических исследований // Научный Татарстан. 2011, № 2.
Закон КБР, 2001 — Закон КБР от 01.06.2001 № 47-РЗ «О запрете экстремистской религиозной деятельности и административной ответственности за правонарушения, связанные с осуществлением религиозной деятельности»//http://kabardinobalkaria.newssity.info/docs/sistemsx/dok (дата обращения 20.10.2011)
Исхаков Дамир, б.г. — *Исхаков Дамир*. Модель Татарстана: «За» и «Против». //http://www.kcn.ru/tat_ru/politics/pan/index.php?sod=1&tbut=13#37 (дата обращения: 06.08.2013)
Лапаева, 2011 — *Лапаева В.В.* Политический и религиозный экстремизм: проблемы совершенствования законодательства //http://www.lavmix.ru/comm./5611/ (дата обращения 20.10.2011)
Лопаткин, 2003 — *Лопаткин Р.А.* Религиозность // Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М., 2003.
Массовое сознание, 2012 — Массовое сознание //http://textfighter.org/raznoe/Psihoe/Olsch/massovoe — soznanie — massovoe — soznanie.php (дата обращения 20.01.2012)
Массовое сознание и стихийное массовое поведение, 2010 — Массовое сознание и стихийное массовое поведение // http://www.psyworld.ru/for-students/cards/general-psychology/1001-2010-12-23-14-12-28.html (дата обращения 16.10.2013)
Мухаметшин, 1997 — *Мухаметшин Р.М.* Официальные институты мусульман и общественно-политические организации и движения в Татарстане в 1990-е годы // *Ислам в татарском мире: история и современность*. Казань, 1997.
Сафин, 1997 — *Сафин Р.* Национальное движение и религия // Татарстан. 1997, № 4.
Усманов Миркасым, 2004 — *Усманов Миркасым*. «История — не просто наука…» //http://tatarica.narod.ru/archive/03_2004/77_16.03.04-6.htm (дата обращения 30.07.2013)
Федотова, 2012 — *Федотова В.Г.* Теорема Томаса китайской модернизации // Вопросы философии. 2012. № 6.
Яблоков, 1979 — *Яблоков Н.Н.* Социология религии. М., 1979.